

Юль — Августъ 1914 г.

С. ГЛИНСКІЙ.

- С. Глинскій**, первая книжка для чтенія нотъ (Сольфеджіо). Пѣніе въ предѣлахъ первыхъ пяти звуковъ, примѣры съ текстомъ взяты изъ дѣтскихъ и народныхъ пѣсень, для начальныхъ школъ и домашняго обученія. Цѣна 10 коп. Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. допущено въ бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній.
- С. Глинскій**, вторая книжка для чтенія нотъ (Сольфеджіо). Пѣніе съ восьмьюми. Пѣніе въ предѣлахъ 8 звуковъ. Изученіе паузъ Цѣна 10 коп.
- С. Глинскій**, третья книжка для чтенія нотъ (Сольфеджіо). Изученіе трехдольнаго размѣра. Пѣніе въ предѣлахъ 10 звуковъ, изученіе нотъ съ точками. Цѣна 10 коп.
- С. Глинскій**, Два хора памяти Н. В. Гоголя. 1) Слава Н. В. Гоголю для смѣш. хора 40 коп. 2) Гимнъ Н. В. Гоголю, для дѣтскаго одногол. или двухгол. хора съ сопроп. ф-піано или ф-гармоніи Цѣна 25 коп.

Выписывающіе отъ П. А. Петрова,

С.-Петербургъ, Екатерининскій кан. 52, кв. 58.—не меньше 50 экз.
ползуются 10% уступки и бесплатной пересылкой.

Получилъ ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ
за всероссійскую выставку „МУЗЫКАЛЬНЫЙ МІРЪ“ 1906-07.

А. И. ГЕРГЕНСЬ.

Бывшій Техникъ Придворной Фортепіанной
Фабрики Бехштейнъ въ Берлинѣ.

Собственныя издѣлія признаны Импера-
торской Консерваторіей и другими мѣст-
ными авторитетами.

МАГАЗИНЪ РОЯЛЕЙ и ПИАНИНО собствен-
ной и заграничныхъ фабрикъ.

Инструменты фабрики А. И. Гергенсъ пріобрѣтены СПб. Консерва-
торіей, Придвор.-Пѣвческой Капеллой, Регентск. Училищемъ и
Музык. Школой учрежд. С. В. Смоленскимъ.

ХОРОВОЕ

И

РЕГЕНТСКОЕ ДѢЛО

№ ~~6~~ 77/8   Июль—Август.   1914 г.

Рукописи, присылаемые въ Редацію, должны быть подписаны авторомъ, съ указаніемъ точнаго адреса. Рукописи безъ обозначенія размѣра гонорара считаются безилатными. На отвѣтъ и обратную пересылку рукописей просить прилагать почт. марки.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ 16—32 стр. in 8°. За годъ подписчики получаютъ не менѣе шести №№ муз. приложений Цѣна 2 р. 50 к. съ дост. и пер. Разсрочка не допускается. За перемѣну адреса 25 коп. Адресъ редакціи С.-Петербургъ, Екатерининскій кан. 52, кв. 58.

V Всероссійскій Съѣздъ хоровыхъ дѣятелей.

Послѣ цѣлаго ряда неудачъ по созыву V съѣзда онъ, наконецъ, состоялся съ 14 по 18 іюня въ Петербургѣ. На этотъ разъ организація съѣзда перешла въ другія руки. Главнымъ лицомъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ организацію этого перваго Петербургскаго съѣзда, былъ Е. М. Витошинскій. Только благодаря его энергіи и хлопотамъ г.г. хоровые дѣятели получили возможность поговорить о своихъ нуждахъ и интересахъ. Мы не располагаемъ въ настоящій разъ свѣдѣніями о томъ, какая доля участія въ организаціи съѣзда принадлежитъ С.-Петербургскому Церковнопѣвческому Благотворительному Обществу, но, повидимому, и оно не безъ побужденія со стороны приступило къ дѣлу. Словомъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что активная роль по созыву съѣзда принадлежитъ преимущественно г. Витошинскому, а на долю Правленія Общества досталась роль чисто пассивная. Говорили, что Организационнымъ Комитетомъ было разослано болѣе 2.500 приглашеній на съѣздъ. Но, дѣло, конечно, не въ этомъ. Какъ бы то ни было, съѣздъ состоялся.

Программа V съѣзда была предуказана еще IV съѣздомъ и заключала въ себѣ четыре пункта, изъ которыхъ первый предусматривалъ пересмотръ постановленій первыхъ четырехъ съѣздовъ хоровыхъ дѣятелей, состоявшихся въ Москвѣ съ 1908 по 1912 г., и принятіе зависящихъ отъ съѣзда мѣръ къ осуществленію тѣхъ постановленій, которыя еще не нашли практическаго примѣненія въ жизни. Второй имѣлъ ввиду улучшеніе школьнаго пѣнія; третій—пенсію руководителямъ церковныхъ хоровъ, и чет-

вертый— учреждение всероссийскаго церковно-пѣвческаго Общества. Однако программа, объявленная для V съѣзда Правленіемъ СПб. Церковно-пѣвческаго Благотворительнаго Общества, не вполне совпадала съ этой намѣченной раньше программой, такъ какъ почему-то совершенно исключала 1-й пунктъ ея. Не беремся судить, отчего это произошло; новая программа отчасти даже расширила рамки старой: въ новой программѣ былъ поставленъ вопросъ о богослужебномъ пѣніи и значеніи церковнаго пѣнія,—подобныхъ которому IV съѣздъ рѣшилъ избѣгать.

На съѣздъ было поставлено всего шесть докладовъ: четыре изъ нихъ исключительно по предмету школьнаго пѣнія, одинъ— по вопросу объ организаціи курсовъ, и одинъ— общаго характера. Так. обр. пункты программы 1, 3 и 4 были представлены совершенно несоотвѣтственно тому значенію, которое они должны-бы имѣть на съѣздахъ хоровыхъ дѣятелей, недаромъ раньше бывшихъ только „регентскими“ съѣздами.— Докладчиками выступили всего пять человѣкъ. Особенностью едва-ли не всѣхъ докладовъ было то, что они были довольно слабы по части реальныхъ предложений, и не смотря на многократныя предупрежденія о желательности возможной краткости ихъ и снабженіи доклада общими выводами—тезисами, они не всегда удовлетворяли этимъ—дѣйствительно желательнымъ для пользы дѣла—условіямъ.

Количество собравшихся на съѣздъ дѣятелей было не велико. Второй, напр., съѣздъ насчитывалъ болѣе 300 участниковъ, первый—болѣе 200, третій—около 200, а четвертый—немного болѣе 100... О причинахъ такого абсентеизма надо-бы много говорить и писать, но для людей, болѣе или менѣе внимательно слѣдящихъ за развитіемъ корпоративной жизни среди нашей регентской и учительской братіи, причины подобнаго явленія ясны и опредѣленны. Не будемъ въ настоящій разъ затрогивать ихъ.

Передъ началомъ занятій на съѣздѣ, 14 іюня, въ 10 ч. утра, въ церкви Духовной Семинаріи былъ отслуженъ молебенъ при участіи преосв. епископа Гдовскаго Веніамина и при пѣніи Митрополничьяго хора. Членовъ съѣзда на молебнѣ присутствовало немного—пожалуй меньше, чѣмъ сколько на клиросахъ стояло пѣвчихъ. Преосв. Веніаминъ произнесъ слово. Оно было толкованіемъ словъ пророка и царя Давида: пойте Богу стройно, и заключало въ себѣ рядъ мыслей, не такъ ужъ часто выражаемыхъ высокими представителями нашего духовенства: преосвященный говорилъ о надобности для регента изученія музыкальныхъ наукъ, и даже о лучшей обезпеченности работниковъ регентскаго дѣла. Возглашены обычныя многолѣтія, и за ними слѣдовало исполненіе

хоромъ произведенія отсутствовавшего предсѣдателя СПБ. Церковно-пѣвческаго благотворительнаго Общества, А. А. Архангельскаго „Помышляю день страшный и плачу дѣяній моихъ лукавыхъ“... Трудно догадаться, что именно руководило въ выборѣ даннаго произведенія г. Архангельскаго, между тѣмъ получилось знаменательное впечатлѣніе, когда намъ, явившимся для работы на регентскомъ сѣздѣ, невольно пришлось начать дѣла съ оплакиванія своихъ лукавыхъ дѣяній.

Непосредственно послѣ молебна въ залѣ Семинаріи состоялось открытіе сѣзда: была пропѣта всѣми присутствующими молитва, и К. К. Бирючевымъ—членомъ организаціоннаго Комитета по созыву V Всероссийскаго сѣзда хоровыхъ дѣятелей—сѣздъ былъ открытъ. Г. Бирючевъ привѣтствовалъ сѣздъ отъ имени Церковно-пѣвческаго Благотворительнаго Общества, и затѣмъ предложилъ приступить къ выбору президіума въ составѣ—предсѣдателя, двухъ товарищей предсѣдателя, и четырехъ секретарей. Выборы отняли не мало времени и дали слѣд. результаты: предсѣдателемъ сѣзда былъ избранъ Е. М. Витошинскій, товарищами предсѣдателя—К. К. Бирючевъ и Д. И. Заринъ; секретарями—о. П. И. Тиховъ, о. М. Ф. Гривскій, Б. В. Решке, И. И. Третьяковъ. Въ качествѣ почетнаго предсѣдателя сѣзда вошелъ въ президіумъ также Е. С. Азѣвъ. Г. Витошинскій въ краткой рѣчи благодарилъ сѣздъ за избраніе и намѣтилъ въ соотвѣтствіе съ программой сѣзда распредѣленіе всей работы по отдѣльнымъ секціямъ, сказавъ, что этотъ способъ секціонныхъ занятій долженъ быть признанъ наиболѣе плодотворнымъ. Всѣхъ секцій намѣчено семь: 1) по постановкѣ пѣнія въ мужскихъ и женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ; 2) по организаціи лѣтнихъ регентскихъ курсовъ; 3) по открытію пѣвческихъ училищъ—среднихъ и низшихъ; 4) по инструментальной музыкѣ и пѣнію въ учительскихъ семинаріяхъ; 5) по наилучшей постановкѣ пѣнія въ низшихъ школахъ всѣхъ типовъ; 6) по вопросамъ, связаннымъ со страхованіемъ хоровыхъ дѣятелей, и 7) для разработки вопроса объ открытіи всероссійскаго хорового общества.

Первая рѣчь на сѣздѣ принадлежала предсѣдателю, г. Витошинскому о „задачахъ V всероссійскаго сѣзда хоровыхъ дѣятелей“. Смыслъ ея заключался въ утвержденіи, что, по мнѣнію оратора, государство и общество должны придти на помощь дѣлу музыкальнаго образованія народа и удѣлить извѣстную часть денежныхъ средствъ для цѣлесообразной организаціи народнаго музыкальнаго образованія. вмѣстѣ съ тѣмъ сѣздъ долженъ напомнить о безправіи хоровыхъ дѣятелей, о тяжеломъ ихъ поло-

женіи, о надобности лучшихъ условій для ихъ работы. Съѣздъ хоровыхъ дѣятелей, собравшійся именно въ Петербургѣ, какъ средоточіи наиболѣе вліятельныхъ представителей власти, имѣетъ своей задачей—выработать такія постановленія по вопросамъ своей программы, которыя могли-бы быть приняты законодательными учрежденіями и лечь въ основу будущаго законодательства, обезпечивающаго странѣ возможность правильнаго музыкальнаго образованія.

Первымъ докладомъ былъ докладъ В. Акинина „Роль и мѣсто пѣнія въ общеобразовательной школѣ“. Докладчикъ собралъ рядъ общеизвѣстныхъ азбучныхъ истинъ о значеніи музыки и пѣнія и вывелъ заключеніе о томъ, что пѣніе связано съ каждымъ шагомъ въ жизни человѣка, и потому никакая школа не можетъ быть лишена пѣнія, какъ предмета преподаванія, обязательнаго для каждаго. Все ограничилось совершенно общими мѣстами, и не давало никакого матеріала для работы съѣзда, даже рѣзко противорѣчило тѣмъ требованіямъ отъ составителей докладовъ, которыя были поставлены еще до начача съѣзда и предлагали заканчивать всякій докладъ какимъ-либо реальнымъ пожеланіемъ.

Въ томъ-же первомъ засѣданіи съѣздъ постановилъ послать черезъ Оберъ-Прокурора Св. Синода Всеподданнѣйшую телеграмму Государю Императору слѣдующаго содержанія. „Пятый всероссійскій съѣздъ хоровыхъ дѣятелей почтительнѣйше проситъ ваше высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ обожаемаго Монарха одушевляющія членовъ съѣзда чувства любви, вѣрно-подданной преданности, готовность приложить свои силы и знанія къ дѣлу музыкальнаго развитія народныхъ массъ на благо церкви и дорогой родины“.

Чтеніе телеграммы было покрыто долго несмолкавшими аплодисментами и троекратнымъ пѣніемъ народнаго гимна. Были также прочитаны полученныя съѣздомъ привѣтствія и телеграммы—отъ Общества Взаимопомощи регентовъ церковныхъ хоровъ изъ Москвы, отъ Редакціи журнала „Хоровое и Регентское Дѣло“, отъ А. А. Архангельскаго и др.

Назначенное вечеромъ 14 іюня засѣданіе было отмѣнено, такъ какъ съѣздъ рѣшилъ сдать предполагавшійся къ заслушанію докладъ В. И. Колпакова „Организація лѣтнихъ регентскихъ курсовъ“—въ комиссію. Предполагавшееся въ воскресенье 15-го вечеромъ, засѣданіе съѣзда также не состоялось ввиду того, что члены съѣзда отправились слушать оперу въ Народномъ Домѣ.

Въ понедѣльникъ 16-го былъ заслушанъ докладъ Е. М. Витшинскаго о „необходимости открытія училищъ пѣнія среднихъ и

низшихъ“. Докладчикъ исходилъ изъ той мысли, что въ Россіи на 50.000 церквей можно насчитать едва сотни музыкально-образованныхъ регентовъ, между тѣмъ не только въ городахъ, но часто и въ селахъ уже сознается необходимость правильной и болѣе широкой постановки хорового пѣнія. Существеннымъ тормазомъ является, однако, отсутствіе учителей и училищъ. Поэтому авторъ доклада предлагаетъ всѣми мѣрами изыскивать надобныя для открытія школъ средства, и прежде всего—ввиду государственнаго значенія хорового дѣла—направить это пожеланіе въ Государственную Думу, на ассигнованныя которой средства (до 400.000 руб.) первое время можно было-бы открыть 2 среднихъ, 3 низшихъ и 1—по типу Московскаго Синодальнаго—Регентское училище въ г. Кіевѣ.

Прибывшій на засѣданіе съѣзда членъ Государственной Думы И. С. Ключевъ въ своей рѣчи широко поддержалъ докладъ г. Витошинскаго. Г. Ключевъ передалъ нѣсколько своихъ впечатлѣній отъ поѣздки въ Моравію и Чехію, гдѣ дѣло хорового народнаго пѣнія стоитъ на завидной для насъ русскихъ высотѣ. Между тѣмъ мы, русскіе, одарены не только не менѣе, но и гораздо болѣе нашихъ сородичей, понявшихъ большое культурное значеніе школьнаго и народнаго пѣнія. Г. Ключевъ рассказалъ не мало случаевъ изъ своего прежняго опыта, когда онъ въ качествѣ инспектора народныхъ училищъ наталкивался нерѣдко на поразительную привязанность простаго русскаго человѣка къ пѣнію, на необыкновенную любовь къ нему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на незаурядныя способности, нерѣдко погибавшія въ зародышѣ по рѣшительной невозможности и неумѣнью приложить и развить ихъ тамъ, у себя, дома. Г. Ключевъ говорилъ и о значеніи пѣнія и музыки для нашей малокультурной и лишенной здоровой пищи въ увеселеніяхъ—деревни,—особенно же—какъ мѣры для борьбы съ пьянствомъ,—и выразилъ полную увѣренность, что голосъ регентовъ и всѣхъ хоровыхъ дѣятелей найдетъ себѣ откликъ въ стѣнахъ Государственной Думы, которая не откажетъ и въ ассигнованіи незначительной по существу суммы на открытіе училищъ пѣнія. Съ своей стороны онъ предлагалъ при выработкѣ пунктовъ для открытія среднихъ училищъ пѣнія не забыть Самару, какъ центральный пунктъ между Сибирью и Поволжьемъ, могущій дать учителей пѣнія для всего громаднаго восточнаго края Россіи.

Задушевная рѣчь г. Ключева была принята съѣздомъ очень горячо. Предсѣдатель былъ вполне правъ, когда въ отвѣтномъ благодарственномъ словѣ г. Ключеву за всѣхъ сказалъ, что

регента и учителя пѣнія конечно не пощадятъ своихъ силъ для той серьезной и важной работы, въ результатѣ которой и русская народная пѣсня, и лучшія произведенія нашихъ русскихъ композиторовъ, широкой волной разольются по лицу нашей великой родины.

Стоявшіе на очереди по повѣсткѣ доклады В. И. Колпакова: „Пѣніе въ учительскихъ семинаріяхъ“, Д. И. Зарина „Богослужбное пѣніе въ православной церкви и значеніе въ этомъ вопросѣ церковнаго пѣнія“, и свящ. В. Игнатъева „Пѣніе въ средней школѣ“—всѣ были переданы для обсужденія въ отдѣльныя частныя засѣданія секцій.

Во вторникъ 17-го съѣздъ заслушалъ рядъ постановленій, выработанныхъ секціями по поводу тѣхъ или другихъ докладовъ, и подвергъ ихъ возможно подробному обсужденію. Начали съ народныхъ—низшихъ и высшихъ—школъ, и рѣшили, что пѣніе должно быть непременно введено въ каждой школѣ въ качествѣ такого-же обязательнаго предмета, какъ и всѣ другіе, что по пѣнію необходимо назначать экзамены какъ вступительные, такъ переходные и выпускные, что слѣдуетъ ввести и переэкзаменовки. Впрочемъ, вскорѣ тутъ-же и смягчили такое нововведеніе: экзамены въ низшей школѣ отмѣнили. Въ связи съ этимъ была выработана минимальная программа, обнимающая собой изученіе начатковъ теоріи музыки и параллельнаго курса сольфеджіо. А затѣмъ, вполне резонно выплылъ вопросъ о самихъ учителяхъ пѣнія, ихъ подготовкѣ, ихъ правовомъ положеніи въ школѣ, начальствѣ надъ ними, и т. д. Практикуемое въ школахъ совмѣстительство, когда неимѣющій спеціального образованія учитель преподаетъ пѣніе, принципиально должно бы было быть отвергнуто, но недостаточность матеріальнаго вознагражденія за преподаваніе одного только предмета въ школѣ заставила съѣздъ воздержаться отъ такой рѣшительной мѣры. Предполагалось, что ко времени осуществленія этого проекта школа будетъ располагать достаточнымъ количествомъ правоспособныхъ учителей пѣнія, получившихъ музыкальное образованіе въ проектируемыхъ съѣздомъ для всей Россіи училищахъ пѣнія, что въ ихъ дѣло не будутъ вмѣшиваться люди, ничего не понимающіе въ пѣнии и требующіе не изученія предмета, а цѣлей совершенно постороннихъ для него. Современное положеніе инспекціи надъ преподаваніемъ пѣнія вызвало не мало жестокихъ укоровъ по ея адресу: было приведено изъ жизни много примѣровъ курьезныхъ, но въ тоже время и плачевныхъ, когда какой нибудь инспекторъ народныхъ училищъ, получившій, по выраженію одного изъ членовъ съѣзда „цвѣточное“

образование, т. е. кончившей сельскохозяйственное учебное заведение, предъявляя учителю совершенно бессмысленныя, но строго-начальственныя требованія.—Выплывавшій и на прежнихъ сѣздахъ вопросъ о специальной инспекціи надъ учителями пѣнія подвергся теперь болѣе серьезному обсужденію, и предположеніе объ учрежденіи особой должности музыкальнаго инспектора при учебномъ округѣ, или въ каждомъ губернскомъ городѣ теперь не провалилось безслѣдно, несмотря на раздававшіеся также голоса о томъ, что и такъ унасъ много инспекторовъ и начальства. Большинство членовъ сѣзда высказалось за желательность учрежденія высшей инстанціи—инструктора, или инспектора (не мало спорили и о самомъ названіи!) при Дирекціяхъ народныхъ училищъ, или Управленіяхъ Учебныхъ Округовъ,—на правахъ одинаковыхъ съ правами службы инспекторовъ народныхъ училищъ. Многимъ хотѣлось отдѣлать музыкальное дѣло отъ учебнаго и создать организацію, независимую отъ учебнаго начальства, подобную напр. той, какая имѣется при попечительствѣ о народной трезвости въ Пермской губерніи, гдѣ наблюдатель хоровъ, извѣстный А. Д. Городцовъ,—желанный гость и инспекторъ всякой народной школы, не только „ревизующій“, но и помогающій лично дѣлу лучшей постановки школьнаго пѣнія.

По вопросу о постановкѣ пѣнія въ средней школѣ дебаты шли гораздо спокойнѣе, и рѣшеніе быстрѣе выливалось въ опредѣленныя пожеланія. Такъ, было признано желательнымъ объединить программы преподаванія пѣнія для средней школы всѣхъ типовъ и наименованій. Выдѣлена была совершенно только духовная средняя школа ввиду достаточно широкой постановки въ ней этого предмета. Обязательность обученія пѣнію признана, но постановлено—вести занятія по пѣнію только въ первыхъ пяти классахъ (включительно) мужскихъ учебныхъ заведеній, имѣя ввиду періодъ мутаціи голоса въ переходномъ возрастѣ, въ женскихъ же учебныхъ заведеніяхъ можно и расширить программы. Вопросъ о переводныхъ экзаменахъ въ средней школѣ не прошелъ: рѣшено такихъ экзаменовъ не устраивать. Что касается выработки самыхъ программъ по пѣнію, то сѣздъ, располагавшій такимъ краткимъ временемъ для своихъ занятій, конечно и не могъ взяться за разработку ихъ и постановилъ имѣть ввиду этотъ вопросъ при обсужденіи программы будущаго VI сѣзда хоровыхъ дѣятелей.

Вполнѣ послѣдователенъ былъ сѣздъ и въ вопросѣ о правовомъ положеніи и обеспеченіи учителя пѣнія средней школы. Учитель пѣнія, по проекту сѣзда, получаетъ положеніе, одина-

ковое во всемъ съ учителями другихъ наукъ: обладающіе высшимъ цензомъ имѣють преимущество предъ получившими лишь среднее музыкальное образованіе; за всякія работы, не имѣющія непосредственнаго отношенія къ класснымъ урокамъ по пѣнію, т. е. напр. за управление церковнымъ хоромъ въ учебномъ заведеніи, за подготовку хора къ какимъ либо школьнымъ празднествамъ, и т. п., учитель получаетъ особое вознагражденіе, подобно тому, какъ оплачиваются напр. преподавателю русскаго языка его труды по прочтенію ученическихъ сочиненій.

Особое вниманіе съѣзда было удѣлено постановкѣ пѣнія въ учительскихъ семинаріяхъ, выпускающихъ учителей народныхъ школъ. На эту тему съѣздъ располагалъ однимъ докладомъ В. И. Колпакова „Пѣніе въ учительскихъ семинаріяхъ“, для обсужденія котораго образовалась четвертая секція. Она приняла, а съѣздъ одобрилъ, проектъ расширенія музыкальной программы для этихъ учебныхъ заведеній, заключающійся, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ. Такъ какъ, по предположенію съѣзда, въ учительскія семинаріи будутъ поступать лица, прошедшія подготовительный общій курсъ по пѣнію, то уже въ первый годъ обученія въ семинаріи необходимо начать систематическое изученіе элементарной теоріи музыки, затѣмъ втеченіе слѣдующихъ лѣтъ пройти полный курсъ гармоніи и методики преподаванія школьнаго пѣнія, а параллельно вести обязательное обученіе игрѣ на фортепіано и скрипкѣ. Поэтому въ семинаріяхъ должна быть открыта должность учителя пѣнія и музыки съ соотвѣтствующимъ штатомъ и окладомъ, а ученикамъ должна быть предоставлена полная возможность заниматься игрой на скрипкѣ и рояли, для чего въ смѣту содержанія семинарій должна быть внесена теперь же статья расхода до 2000 руб. для каждой семинаріи на приобрѣтеніе музыкальныхъ инструментовъ.

Менѣе всего посчастливилось на съѣздѣ вопросу объ организаціи лѣтнихъ регентскихъ курсовъ. Несмотря на то, что специальный докладъ В. И. Колпакова „Организація лѣтнихъ регентскихъ курсовъ“ былъ сданъ въ секцію для разработки,—вопросъ остался безъ всякаго движенія; все ограничилось пожеланіемъ, чтобы такихъ курсовъ было какъ можно больше, чуть ли не въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ, а подробности разработки возложены на комиссію, что едва-ли не равносильно окончательному погребенію необыкновенно важнаго для регентской и учительской среды вопроса. Остается одна лишь надежда на то, что VI съѣздъ уже не ограничится въ этомъ дѣлѣ одними словами. Впрочемъ, о регентскихъ курсахъ, и вообще о помощи регентамъ

были рѣчи и такого рода, что желательно-де на это дѣло обратиться часть десятиmilliоннаго бюджета, ассигнованнаго Государственной Думой Попечительствамъ о народной трезвости. Желательно устройство регентскихъ и народныхъ пѣвческихъ курсовъ при Попечительствахъ въ губернскихъ городахъ; желательно устройство народныхъ хоровъ и концертовъ; желательно устройство нотныхъ библіотекъ, складовъ музыкальныхъ инструментовъ для льготнаго пользованія ими регентовъ и народныхъ учителей, причемъ опять вспоминали образцовую организацію музыкальнаго дѣла въ Пермскомъ Попечительствѣ о народной трезвости.

Какъ и всегда, такъ и на V съѣздѣ обойти совершенно обычно снимаемый съ программы вопросъ о правовомъ положеніи регента не представлялось возможнымъ. V съѣздъ, повидимому, болѣе всего расчитывавшій заниматься дѣлами учителей пѣнія, но не регентовъ, былъ, однако, вызванъ на это попутно, при обсужденіи другихъ чисто регентскихъ вопросовъ. Въ программѣ съѣзда имѣлся докладъ Д. И. Зарина. „Богослужбное пѣніе въ православной церкви и значеніе въ этомъ вопросѣ церковнаго пѣнія“. (Сознаемся, что подобный заголовокъ не совсѣмъ вразумителенъ; нѣтъ-ли опечатки въ программахъ?). Суть доклада оригинальна. Авторъ утверждаетъ, что то пѣніе, которое практикуется теперь въ церквахъ, не соответствуетъ самой идеѣ богослуженія и часто даже разрушаетъ религіозное настроеніе присутствующихъ въ храмѣ. Для наиболѣе дѣйствительнаго улучшенія церковнаго пѣнія авторъ предлагаетъ воскресить — блаженной памяти — своеобразную цензуру духовно-музыкальныхъ сочиненій. Для наблюденія за характеромъ церковныхъ службъ въ музыкальномъ отношеніи слѣдуетъ, по мнѣнію Д. И. Зарина, учредить по всѣмъ епархіямъ особые комитеты, исполняющія на мѣстахъ тѣ предписанія, которыя сочтеть надобными давать центральный высшій наблюдательный комитетъ при Св. Синодѣ. Этотъ комитетъ только одинъ и можетъ разрѣшать употребленіе духовно-музыкальныхъ сочиненій при богослуженіи. — Съѣздъ, имѣвшій дѣло не съ самымъ докладомъ, сданнымъ въ секцію, а лишь съ его резолютивной частью, пошелъ на это, и, какъ будетъ видно изъ приведенныхъ въ концѣ нашего сообщенія резолюцій, измѣнилъ только нѣсколько самую формулировку вопроса и значительно смягчилъ самую его постановку.

Въ другомъ случаѣ рѣчь о регентѣ и его правовомъ положеніи зашла при обсужденіи доклада Е. М. Витошинскаго, обронившаго въ своей рѣчи фразу о томъ, что за границей регента не жалуются на свое положеніе, не жалуются даже тогда, когда рас-

полагають недостаточнымъ съ нашей точки зрѣнія—матеріальнымъ содержаніемъ. Въ другихъ рѣчахъ по этому поводу высказывалась мысль, что за границей, хотя-бы въ Германіи, положеніе регента терпимо потому, что тамъ облегчаютъ его болѣе высокія общекультурныя условія, а у насъ въ Россіи регентъ и безправенъ, и приниженъ, и мало образованъ, и не признаются за нимъ никакія—ни церковныя, ни государственныя заслуги. Въ качествѣ выхода въ этомъ вопросѣ Д. И. Заринъ предложилъ съѣзду ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о томъ, чтобы въ отношеніи своихъ правъ регентъ былъ приравненъ къ псаломщику, какъ члену причта, былъ-бы регентомъ—псаломщикомъ, не участвуя, однако, въ дѣлѣжѣ церковныхъ псаломщическихъ доходовъ. И, какъ это будетъ видно изъ резолюцій, съѣздъ согласился съ подобнымъ предложеніемъ. А какъ недавно еще регента горячо поддерживали Н. И. Компанейскаго, убѣждавшаго ихъ бросить мысль о „причисленіи къ лику духовному“!

Обсужденію послѣднихъ пунктовъ программы съѣзда посвящались дни 17 и 18 іюня. Это были—вопросъ о страхованіи руководителей церковныхъ хоровъ при посредствѣ страховыхъ отдѣленій Государственныхъ сберегательныхъ кассъ, и объ учрежденіи всероссійскаго церковно-пѣвческаго Общества съ цѣлью обезпеченія наиболѣе благопріятныхъ условій труда и старости всѣхъ тружениковъ хорового дѣла. Очень предусмотрительно въ засѣданіе съѣзда былъ приглашенъ чиновникъ Государственной сберегательной кассы, знакомый съ условіями массовыхъ страхованій, но сами члены съѣзда заранѣе, повидимому, нисколько не поинтересовались этимъ дѣломъ. Отсутствие доклада по такому вопросу—большой пробѣлъ для работъ съѣзда. Оказалось, что съѣзду можно было выразить лишь принципиальное согласіе на то, чтобы подвинуть этотъ вопросъ впередъ. Говорили объ образованіи комиссіи, но должно быть—съѣздъ извѣрился уже въ плодотворности такой работы, и возобладало мнѣніе—отложить обсужденіе этого сложнаго вопроса до слѣдующаго съѣзда, предварительно выяснивши отношеніе регентовъ къ самой мысли о всеобщемъ страхованіи.

Много разъ подымавшійся на прежнихъ съѣздахъ вопросъ объ учрежденіи всероссійскаго общества хоровыхъ дѣятелей также не былъ разработанъ ни къ V съѣзду, ни на самомъ съѣздѣ: отсутствовалъ даже докладъ объ устройствѣ Общества. Одинъ изъ членовъ съѣзда горячо зывалъ: „товарищи, объединяйтесь“, но это былъ гласъ вопіющаго въ пустыни. Нашли лучшимъ—

образовать комиссію и сдать ей разработку сложнаго дѣла съ тѣмъ, чтобы къ слѣдующему съѣзду были представлены подробныя соображенія.

Заключительнымъ пунктомъ была рѣчь о мѣстѣ и времени VI всероссійскаго съѣзда хоровыхъ дѣятелей. Послѣ горячихъ преній рѣшено оставить мѣстомъ съѣзда—Москву, какъ болѣе центральный городъ, куда большинству обычныхъ участниковъ съѣзда ѣхать дешевле, а главное, какъ городъ, гдѣ къ съѣзду относятся внимательнѣе (?), гдѣ можно было слышать исполненіе лучшихъ церковныхъ хоровъ въ особыхъ посвященныхъ съѣзду концертахъ, тогда какъ въ Петербургѣ съѣзду не пришлось послушать даже пѣнія Придворной Капеллы. Специально для членовъ съѣзда устроилъ репетицію лишь Митрополичій хоръ.

Между прочимъ, предъ самымъ закрытіемъ съѣзда было заслушано обращеніе къ нему „Петербургской артели слѣпыхъ, живущихъ своимъ трудомъ“. Обращеніе, въ которомъ говорится о желаніи слѣпыхъ пѣвчихъ быть принятыми въ общую семью хоровыхъ дѣятелей, было принято съѣздомъ очень радушно. Г. Троицкій, делегатъ отъ слѣпыхъ, прочитавшій обращеніе по брайлевской рукописи, просилъ съѣздъ обратить вниманіе на дѣтей слѣпыхъ, разсѣянныхъ по всей Россіи. Такъ какъ большинство слѣпыхъ одарено тонкимъ слухомъ и имѣетъ предрасположеніе къ пѣнію, то г. Троицкій просилъ членовъ съѣзда брать по провинціямъ способныхъ слѣпыхъ дѣтей подъ свое покровительство и обучать ихъ пѣнію, чтобы они современемъ могли зарабатывать этимъ искусствомъ себѣ кусокъ хлѣба вмѣсто того, чтобы ходить съ протянутой рукой. Это заявленіе было встрѣчено съѣздомъ съ большою готовностью и принято къ свѣдѣнію.

Главнѣйшія резолюціи V съѣзда таковы: 1. возбудить ходатайство объ открытіи музыкальныхъ народныхъ училищъ въ гг. Кіевѣ, Самарѣ, Ташкентѣ, Воронежѣ, Вологдѣ, Барнаулѣ, Перми, Ригѣ, Иркутскѣ, Минскѣ, Псковѣ и Екатеринодарѣ. 2. Ходатайствовать объ учрежденіи въ составѣ дирекціи народныхъ училищъ особой должности инспектора—наблюдателя, на котораго и слѣдуетъ, по мнѣнію съѣзда, возложить ближайшее руководство народнымъ хоровымъ пѣніемъ въ каждой губерніи и области Имперіи. 3. По вопросу о преподаваніи пѣнія въ начальнѣйшій школѣ низшаго и высшаго типовъ—признать пѣніе обязательнымъ предметомъ наравнѣ съ другими общеобразовательными предметами; предоставить учителямъ пѣнія одинаковыя съ другими учащими служебныя права; въ каждомъ отдѣленіи и классѣ начальнѣйшей

школы должно быть не менѣ двухъ еженедѣльныхъ уроковъ пѣнія и не менѣ одного урока пѣнія соединеннымъ хоромъ. Программу низшей начальной школы ограничить: а) двухголоснымъ, а при особенно успѣшномъ ходѣ занятій и трехголоснымъ пѣніемъ, и б) исполненіемъ церковно-богослужебнаго и наиболѣе употребительнаго свѣтскаго пѣнія. 4. Просить ввести въ курсъ учительскихъ Семинарій и институтовъ обученіе пѣнію, а также преподаваніе инструментальной музыки по программѣ трехъ первыхъ курсовъ консерваторіи; включить преподавателей пѣнія и музыки, какъ обязательныхъ предметовъ программы, въ штатъ учебныхъ заведеній, предоставивъ имъ права государственной службы. Въ случаѣ значительнаго числа инородцевъ—учащихся преподавать церковное и свѣтское пѣніе для нихъ на родномъ языкѣ; программа пѣнія должна представлять собой сжатую программу курса консерваторіи, дающую полное элементарное музыкальное образованіе; обученіе игръ на скрипкѣ и рояли обязательно для всѣхъ учащихся въ объемѣ программы I—III курса консерваторіи; количество уроковъ пѣнія и музыки во всѣхъ четырехъ классахъ должно быть не менѣ 26 часовъ въ недѣлю. 5. Признать желательнымъ ввести пѣніе въ качествѣ обязательнаго предмета въ курсъ первыхъ пяти классовъ среднихъ учебныхъ заведеній всѣхъ вѣдомствъ, кромѣ духовнаго, въ учебныхъ заведеніяхъ котораго преподаваніе пѣнія и въ настоящее время не оставляетъ желать ничего лучшаго. 6. Организовать при губернскихъ епархіальныхъ управленіяхъ особые комитеты изъ представителей духовенства, музыкальныхъ дѣятелей и прихожанъ, для завѣдыванія и направленія дѣла церковнаго пѣнія.

По вопросу объ обезпеченіи труженниковъ хорового дѣла съѣздъ высказалъ слѣдующія пожеланія: 1. предоставить регентамъ церковныхъ хоровъ права псаломщика, какъ младшаго члена причта. 2. Обезпечить регентовъ жалованьемъ отъ казны.

По вопросу объ учрежденіи всероссійскаго хорового общества, ввиду его особой сложности, съѣздъ призналъ необходимымъ образовать общую комиссію, которой поручить детальную разработку этого вопроса и составленіе доклада о немъ VI-му всероссійскому съѣзду хоровыхъ дѣятелей.

П. Андреевъ.

Вступительная лекція.

Читана въ СПБ. Университетъ въ окт. 1905 г.

(Окончаніе).

Въ разговорахъ самыхъ противоположныхъ содержаній часто бываютъ умѣстны однѣ и тѣже фразы, измѣняемая только въ мѣрѣ своей выразительности. Въ народной пѣснѣ и въ церковномъ напѣвѣ оказывается уставленною именно эта общность музыкальныхъ выраженій, измѣняемыхъ, однако, именно въ смыслѣ внесенія въ нихъ самыхъ тонкихъ красокъ. Хотя народная пѣсня имѣетъ свои тексты и мелодіи, церковная пѣснь имѣетъ уставный текстъ и свои же напѣвы, но, оказывается, что элементы, изъ которыхъ составлены эти оба рода напѣвовъ, также близки между собой, какъ старая народная рѣчь къ церковно-славянскому языку. Эти сестра и братъ—дѣти одного отца и одной матери.

Такова внутренняя сторона нашего предмета.

Со стороны собственно исторической, черезъ все вѣка исторіи русскаго искусства проходятъ двѣ нити. Первая изъ нихъ, такъ сказать черная, административная, состоитъ въ неустанномъ шельмованіи и гоненіи мірской музыки и народной пѣсни со стороны нашего духовенства. Вторая, такъ сказать Ариаднина, нить, отъ нашихъ древнихъ художниковъ даетъ намъ возможность не заблудиться въ множествѣ лабиринтныхъ ходовъ, которые систематизированы, частью и созданы, въ нашемъ церковно-пѣвческомъ искусствѣ. Я нисколько не ошибусь, если скажу, что, несмотря на постоянный надзоръ духовенства, можно убѣдиться въ завидной свободѣ этого творчества и оттого въ бывшемъ роскошномъ его процвѣтаніи, какъ искусства.

Для черной нити имѣется обширный рядъ фактовъ самый ранній изъ нихъ—вопросъ отъ Θεодосія Печерскаго „такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ“, послѣ чего послѣдовало немедленное прекращеніе музыки на пиру Вел. Кн. Святослава Ярославича; затѣмъ центръ въ Стоглавѣ и Домостроѣ; послѣдній, какъ кажется, случай указанъ извѣстнымъ Олеаріемъ, при которомъ 5 воевъ разныхъ инструментовъ, по приказанію патріарха отобранныхъ у Москвичей, были вывезены за Москва—рѣку и тамъ сожжены... Изъ числа словесныхъ воздѣйствій—кажется былъ использованъ весь богатый у насъ запасъ всякой брани на народную пѣсню и музыку. Онѣ величаются обличителями

всякою хулою, со всякими преувеличеніями, включительно до устрашеній муками адскими.

Но несмотря на то, живая народная пѣсня преспокойно продолжала существовать наряду со всякими бѣсовскими прищамми и сатанинскими сопѣльями и гудѣльями, съ непотребными скоморохами и треклятыми пѣсельницами. Вѣщій Баянъ не убоился никакихъ заклинаній, размежевался съ церковнымъ напѣвомъ, и очаровательная народная пѣсня жива до сихъ поръ.

Ариаднина нить проводить насъ по всему богатому наслѣдству, особенно развившемуся въ сѣверной Руси къ XVII-му вѣку.

Несомнѣнно заимствование нашей церковно-пѣвческой дисциплины изъ Византіи. Несомнѣнна также и постоянная борьба свободнаго русскаго творчества съ коснымъ византизмомъ, равно и выходъ русскаго искусства на свою свободную дорогу, внѣ всякой опеки, даже и самого духовенства. Даровитость и глубокое религіозное чувство дисциплинировали наши церковные напѣвы и пѣвческое искусство, такъ сказать, на міру,—гласно, строго и исполнѣ свободно,—отъ того чрезвычайно плодovито и технически—совершенно, въ направленіи именно народномъ.

Позволю себѣ объяснить здѣсь, почему мною раздѣляются церковные напѣвы отъ церковно-пѣвческаго искусства.

Русское народное творчество создало для выраженія своихъ думъ очень большой рядъ музыкальныхъ строкъ,—какъ-бы музыкальныхъ пословицъ и поговорокъ. Это—такъ наз. попѣвки, которыя въ своихъ сочетаніяхъ могутъ измѣняться въ своихъ началахъ и въ своихъ окончаніяхъ. Всѣ эти попѣвки давнымъ давно записаны и приведены въ систему подъ названіемъ „строкъ мудрыхъ“, а систематическій анализъ ихъ, вмѣстѣ съ азбукою знаменъ, т. е. нотъ, есть наша народная музыкальная грамматика, составленная также давнымъ давно. Это искусство—есть наше уставное, столповое пѣніе—знаменный распѣвъ.

Въ области этого пѣнія наши художники, въ случаяхъ напр. сочиненія новой службы, вовсе не сочиняли новыхъ мелодій, а лишь составляли сочетанія общеизвѣстныхъ попѣвокъ и рифмовали куплеты опредѣленными для того такъ наз. кулизмами, концами и т. п. Такимъ образомъ, все искусство распѣвщика заключалось въ томъ, чтобы изящно подобрать подходящія данному тексту попѣвки и затѣмъ, изящно же рифмуя ихъ между собою, создать опредѣленную форму куплетовъ всякаго рода.

Это творчество, отточенное и отполированное потомъ практикою тысячъ пѣвцовъ, есть то, что наз. древними напѣвами.

Пѣвческое искусство есть—дальнѣйшее высшее, и притомъ свободное творчество, матеріаломъ для котораго являются не только попѣвки, но и свободно сочиненныя мелодіи, даже и заимствованныя со стороны, но разработаны онѣ совершенно самостоятельно. Древнѣе—это было такъ наз. „самое красное демественное пѣніе“,—позднѣе это развилось въ видѣ самостоятельнаго хорового искусства. Здѣсь было нѣсколько школъ. Даровитость и усердіе къ церкви привели нашихъ предковъ въ этой области не только къ созданію цѣлаго ряда самостоятельныхъ нотныхъ системъ, но и къ открытію своего-же свободного контрапункта, сдѣланнаго пѣвчими дьяками Ивана Грознаго, посвятившими ему свое изобрѣтеніе подъ именемъ „Казанскаго знамени“. Таже даровитость помогла воспринять въ наше церковно-пѣвческое искусство цѣлый міръ мелодій Кіевскихъ, Болгарскихъ, Греческихъ,—совершенно обрусить ихъ и тѣмъ увеличить наше мелодическое богатство прямо до колоссальныхъ размѣровъ. Сѣвернорусскій пѣвчій обиходъ сталъ объемистѣе южно-русскаго по крайней мѣрѣ разъ въ 20, и струя свободного творчества вырвалась на этотъ разъ съ совершенно неудержимою силою.

Таже Ариаднина нить проводить насъ черезъ хоровое искусство юго-западныхъ православныхъ братствъ, которыя въ связи съ Кіево-Могилянскою Академіею начали у насъ введеніе хорового обиходнаго пѣнія въ видѣ первыхъ гармонизацій нашихъ древнихъ распѣвовъ на началахъ западной музыкальной науки. Появились тутъ-же и одновременныя два теченія—„польскаго художества“ черезъ Вильну, Николая Дилецкаго, дьякона Іоаннікія Коренева, дьяка Василія Титова, и германско-лютеранскаго, черезъ Псковъ—Новгородъ; наконецъ, открылись у насъ первыя школы свободной композиціи. Эти новшества, начатыя еще Никономъ, въ бытность его Митрополитомъ въ Новгородѣ Вел. встрепенули множества дарованій и умовъ, которые откликнулись созданіемъ цѣлой хоровой литературы, обрусѣлые остатки которой поются въ нашихъ церквахъ до сихъ поръ. Консервативный старообрядческій лагерь совершенно отшатнулся отъ этихъ новшествъ и уединился въ знаменитую Выгорѣцкую пустынь равно и въ поволжскіе скиты; прогрессивный лагерь—какъ-бы умышленно рвалъ все связи съ прошлымъ и оттого, несмотря на множество дарованій, далъ въ сущности нѣчто совсѣмъ беспочвенное и потому скоро захирѣвшее... Нетрудно представить, затѣмъ, какъ сократилась народная струя во время Бироновщины и еще болѣе въ пору шитыхъ камзоловъ, великолѣпныхъ париковъ съ косичками. Въ церквахъ, точно на смѣхъ надъ всемъ русскимъ,

раздались мотивы „отца комической оперы“ старика Галуппи, а въ церковной композиціи властно хозяйничали всякіе Сартти, равно и ученики ихъ,—эти итальянцы изъ русскихъ.

Это было, дѣйствительно, очень странное время въ области церковно-пѣвческаго искусства. Оно же было и порою, когда народныя пѣсни стали называться „подлыми“. Тѣмъ болѣе выразительна борьба съ проземщиной и съ чужебесіемъ, начатая съ помощью изданій древнихъ напѣвовъ, напечатанныхъ опомнившимся Синодомъ въ 1772 г. Борьба эта совпала и съ первымъ вниманіемъ нашихъ музыкантовъ къ русской народной пѣснѣ и первымъ лепетомъ нашей народной оперы. Въ томъ же 1772 шла „Анюта“—опера Михайла Попова,—перваго въ длинномъ списокѣ, законченномъ потомъ именемъ Глинки. Въ тѣ же почти годы русскіе аплодировали „Бригадиру“ и „Недорослю“ Фонвизина. Не отставалъ и выступившій въ эти же годы Бортнянскій, ослабляя итальяноманію, вводя и осторожно маскируя народные напѣвы въ своихъ Херувимскихъ. Огромна его заслуга по приведенію въ порядокъ обиходнаго пѣнія. Онъ настаивалъ на изданіи крюковыхъ пѣвчихъ книгъ, прямо указывалъ на пользу ихъ для господствующей церкви и старообрядчества, толкуя уже о возстановленіи „поросшаго терніемъ отечественнаго генія“ и о предстоящемъ созданіи „отечественнаго контрапункта“.

Наконецъ, судьба наградила насъ Пушкинымъ, Гоголемъ и Лермонтовымъ, рядомъ съ которыми достойно встали Глинка а потомъ и Даргомыжскій. Недавняя пора музыкальнаго творчества есть уже полная побѣда по всему фронту нашей такъ наз. „могучей кучки“, т. е. Балакирева, Кюи, Мусоргскаго, Бородина и Р.-Корсакова. Вмѣстѣ съ ними возрождается и изслѣдованіе русской народной пѣсни, болѣе точная ея запись; возрождается въ Москвѣ и изслѣдованіе древне-церковнаго пѣнія въ кругу кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго, проф. протоіерея Разумовскаго и теоретика Ю. К. Арнольда. Отдѣльно, какъ церковный пѣвецъ, всталъ П. И. Чайковскій, успѣшно сразившійся въ судебномъ процессѣ съ нелѣпой бюрократической цензурой Придворной Капеллы, въ лицѣ ея директора Бахметева.

По этимъ краткимъ указаніямъ можно опредѣлить значеніе исторіи русскаго церковнаго пѣнія, какъ одной изъ подробныхъ главъ исторіи русской культуры.

Совсѣмъ другого рода характеристика должна быть дана нашей музыкальной палеографіи.

Укажу прежде всего на особенную для филологовъ выгоду пѣвческихъ рукописей въ томъ, что ихъ словесные тексты всегда

излагались только полнымъ правописаніемъ, безъ какихъ бы ни было сокращеній. Музыкальная часть этихъ рукописей есть пѣвческіе знаки, принадлежашіе къ разнымъ системамъ, такъ какъ въ старину каждый родъ музыкальнаго искусства излагался самостоятельно-изобрѣтенною для него нотаціею. Обращаясь спеціально къ послѣдней, слѣдуетъ признать, что, по ходу изобрѣтеній и улучшеній въ области средствъ изложенія напѣвовъ, русское искусство представляется вполне самостоятельнымъ. Если первоначальныя записи напѣва и не могли иначе установиться, какъ только подъ вліяніями готоваго византійскаго музыкально-пѣвческаго алфавита, то слѣдуетъ все-таки признать, что у насъ совсѣмъ нѣтъ памятниковъ въ которыхъ бы византійская система была не только исключительною, но даже и преобладающею. Наоборотъ; сколько можно судить по внѣшности, наши древнѣйшія пѣвческія рукописи полны преобладанія именно русскихъ изобрѣтеній. Впрочемъ, могло ли и быть иначе? Трудно и представить себѣ русскихъ пѣвцовъ съ греческими напѣвами на устахъ. Эта русская музыкальная грамота пережила затѣмъ рядъ преобразованій, но уцѣлѣла въ своемъ существѣ и сохранила свою жизненность до сихъ поръ. Эта грамота—наши такъ наз. крюки, или знамена, т. е. нашъ главный пѣвческій алфавитъ. За народность этого алфавита говоритъ мелодическая сущность нашихъ напѣвовъ неразрывная связь ихъ съ крюками и живая исторія постепеннаго развитія какъ мелодій, такъ, самихъ крюковъ.

Но даровитость русскаго племени проявляетъ себя во все стороны. Нашему творчеству было тѣсно и невыносимо въ тискахъ церковнаго устава и монашескаго гнета, и оно вырывается на свободу. Это—такъ называется демественное пѣніе области покаяннаго стиха. Являются новые роды пѣнія, и для выдѣленія ихъ создаются новыя нотаціи. Уже изъ названій этихъ новыхъ родовъ пѣнія не трудно уяснить ростъ и направленіе развитія русской художественной мысли: такъ наз. „произволь“ указываетъ на то, что русскіе пѣвцы добились таки свободы употребленія при богослуженіи новыхъ напѣвовъ, которые могли бы иногда замѣнять напѣвы уставные, столшовые; не менѣе характерны и названія „путь“, „путь прибыльной“ (т. е. приставной къ уставному *cantus firmus*) и особенно „къ путю прикладъ“—т. е. двойной контрапунктъ. Въ области этого „пути“, гдѣ столшовой распѣвъ играетъ роль *dux-a*—вождя, а самъ „путь“—*comes'a* т. е. спутника, наша русская контрапунктическая школа еще яснѣе выражается сортировкой изложеній „низъ“, или „верхъ“, къ „путю“.

Но недавняя догадка о томъ, что такъ наз. „Кюизы, сирѣчь ключъ Казанскому знамени“, какъ оказывается, есть просто практической учебникъ двухголоснаго контрапункта къ столповому распѣву, еще болѣе разъясняетъ ростъ нашей художественной мысли. Эта догадка не только замыкаетъ собою рядъ только что перечисленныхъ родовъ свободной древне-русской композиціи, но и осмысливаетъ то, что упоминалось ранѣе въ совѣтѣ другомъ значеніи. Напр. восклицаніе Гермогена „латинскаго (т. е. по многоголосному складу) пѣнія слышати не могу“, или напр. знаменитое столкновение Логгина, Троицкаго головщика—композитора съ извѣстнымъ патриотомъ архимандритомъ Діонисіемъ. Въ первомъ случаѣ, очевидно, Гермогенъ протестовалъ противъ нашего так. наз. „строчнаго“, т. е. 3-хъ голоснаго и контрапунктскаго свободнаго изложенія; во второмъ случаѣ знаменитый головщикъ Логгинъ, который „ничего не боялся“, вывелъ изъ терпѣнья своими новшествами кроткаго Діонисія.

Русская музыкальная палеографія имѣетъ дѣло съ рукописями, которыя не только читаются, но и поются, и не только палеографически учатъ насъ, что именно, но и какъ именно пѣлось что либо въ свое время. Такая своеобразная доля нашей палеографіи происходитъ вслѣдствіе непрерывнаго, жизненнаго развитія нашихъ пѣвческихъ нотаций, непрерывнаго появленія однихъ и забвенія другихъ, непрерывнаго видоизмѣненія средствъ записи нашего художественнаго прогресса. Въ этой палеографіи нѣтъ того одинакаго алфавита, скрупулезныя частности котораго такъ значительны для обычнаго палеографа. Наше музыкально-палеографическое наслѣдство даетъ массу матеріаловъ на каждое столѣтіе и требуетъ неразрывной работы и филологической и художественной.

Въ той же палеографіи, какъ въ предверіи бібліологической критики и изслѣдованія, есть еще часть и глубоко-загадочная,—это забытыя нотации, неподдающіяся пока даже и догадкамъ о ихъ прочтеніи. Таковы—кондакарное знамя, распѣвавшееся однако сотнями лѣтъ; таковы—загадочныя отдѣльныя страницы XII вѣка, снабженныя какими то особыми, но несомнѣнно систематическими нотациями; таково даже и наше древнѣйшее знаменное письмо, столь легко читаемое съ XIV-XV вѣка и столь живое нынѣ у старообрядцевъ.

Работы для пытливаго ума здѣсь—необозримое море.

Таковы Мм. Гг. въ краткихъ чертахъ облики главныхъ содержаній, которымъ я желалъ бы посвятить предстоящія чтенія. Имѣю въ этихъ чтеніяхъ и личную цѣль: въ теченіи моихъ

многолѣтнихъ занятій мнѣ удалось сдѣлать массу находокъ, отчасти и интересныхъ открытій. Кромѣ желанія подѣлиться этими новостями съ молодыми силами, я чувствую еще, что на описаніи и изслѣдованіи ихъ не хватитъ остатка моихъ старѣющихъ силъ. Я желалъ бы обратить въ свою вѣру хотя бы нѣсколько образованныхъ молодыхъ людей, чтобы они продолжили мое дѣло и чтобы они пережили тѣже многіе случаи захватывающаго интереса и тѣже высокія наслажденія, которыми я былъ вознагражденъ за свой трудъ,

Я пришелъ именно въ Университетъ, а не въ духовную академію, или консерваторію. Здѣсь мое прямое слово не задѣнетъ ничье благочестіе и ничье самолюбіе. Въ университетѣ, называемомъ у далекихъ славянъ словомъ „всеучилище“, каждый умъ настойчиво, повинуюсь своимъ способностямъ, ищетъ познанія и высшаго наслажденія истиною: одинъ смотритъ на таинственно-дисциплинированное небо, другой старается постигнуть загадочный радій, третій полонъ долга умно и сострадательно возстановить больного, четвертый посвящаетъ свою мысль вопросамъ права и высшей экономіи общежитій, и т. д.

Но есть и 100-й, тихо думающій о родной старинѣ и вѣковой въ ней родной художественной правдѣ, даже и какъ бы удобной для будущаго... Я пришелъ во „всеучилище“ еще и потому, что исканіе истины совсѣмъ не требуетъ уединенія непременно въ область одной специальности. Дорогое имя химика Бородина славно не менѣе какъ и Бородина—музыканта. Я полагаю поэтому, что именно здѣсь, въ университетѣ, всего удобнѣе разработать съ подходящими для дѣла умами, тотъ цѣлебный родникъ, который когда либо всетаки оцѣнится, и для этихъ умовъ будетъ дорогъ и теперь; что именно здѣсь всего сподручнѣе можетъ быть сдѣлана та филологически—музыкальная работа, которая такъ нужна для начала сознательнаго процвѣтанія русскаго искусства. Призывомъ къ совмѣстному труду я кончаю эту вступительную бесѣду.

Ст. Смоленскій.

Бѣгъ на мѣстѣ.

Я не былъ на V Всероссийскомъ (такъ и хочется взять это слово въ кавычки!) съѣздѣ хоровыхъ дѣятелей въ Спб. Мои свѣдѣнія о немъ почерпнуты частью изъ газетныхъ замѣтокъ, неполныхъ и повидимому—мало компетентныхъ; частью изъ бесѣдъ съ лицами, участвовавшими или присутствовавшими на съѣздѣ.

Сравнивали V съѣздъ съ печальной памяти III Московскимъ съѣздомъ. И сравненіе не было въ пользу Петербургскаго. То-же малолюдство, таже—я сказалъ бы—растерянность передъ сложными вопросами регентской и учительской жизни и быта, то-же недоумѣнье, какъ и съ какой стороны приступить къ нимъ.

Этого, конечно, и слѣдовало ожидать. Первые съѣзды вскрыли язвы регентской и учительской дѣятельности. И даже больше—указали—принципально—средства лѣченія ихъ. Естественно,—дальнѣйшимъ шагомъ должна бы быть конкретная разработка принципиальныхъ пожеланій съѣздовъ, живое осуществленіе ихъ. Было-ли сдѣлано это?

Нѣтъ. Нужны примѣры? Ихъ такъ много.

Вопросъ объ открытіи Синодальнаго училища церк. пѣнія въ Кіевѣ былъ возбужденъ на I съѣздѣ.

Съѣздъ постановилъ: „войти съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ объ открытіи въ ближайшемъ будущемъ въ г. Кіевѣ Синодальнаго училища церк. пѣнія по программамъ, *наибольше отвѣчающимъ потребностямъ церковнаго пѣнія юго-западной Россіи*“.

Вотъ принципальное постановленіе. Какъ-же осуществлено оно? Авторъ статьи „Итоги работъ бывшихъ съѣздовъ регентовъ и хоровыхъ дѣятелей“*) не безъ меланхолии отмѣчаетъ, что вопросъ этотъ никѣмъ и нигдѣ, кромѣ I съѣзда не возбуждался. Даже самимъ авторомъ его... II съѣздъ объ этомъ проектѣ не обмолвился ни однимъ словомъ, III—также, и дѣло мало-по-малу заглохло“.

Не съѣзду же было сочинять мотивированное ходатайство, писать проектъ устава и штатовъ, составлять программы, „наибольше отвѣчающія потребностямъ церковнаго пѣнія въ юго-западной Россіи“. Пусть это форма, пусть это—въ значительной части своей—канцелярская работа. Но, вѣдь, она нужна, какъ начало, какъ базисъ обсуждения...

Законодательныя учрежденія за эту работу не возьмутся, хотя бы просто потому, что не признаютъ себя достаточно компетентными въ такой специальной области. И на самомъ дѣлѣ въ засѣданіи бюджетной комиссіи Г. Думы высказано было... „3 пожеланіе, чтобы вѣдомство вошло въ разсмотрѣніе вопроса объ открытіи въ Кіевѣ средняго церковно-пѣвческаго училища“**) А когда вѣдомство разсмотритъ и какъ?

„Есть-ли тутъ виноватые? спрашиваетъ авторъ цитированной выше статьи. Какъ вы думаете, читатель?

*) „Хоровое и Регентское Дѣло“ 1912 г. №№ 5—6.

**) „Хоровое и Регентское Дѣло“, №№ 5—6, 1914 г. стр. 101.

II съѣздъ усиленно рекомендовалъ устройство пѣвческихъ обществъ, кружковъ, кассъ взаимопомощи и т. п. Прекрасное постановленіе, насущное, нужное дѣло. Намъ не хватаетъ взаимоподдержки, дружескаго слова ободренія, иной разъ возможности соединить свои силы, обмѣняться достигнутыми результатами. Каждый изъ насъ работаетъ втихомолку. О насъ, о нашей работѣ никто, кромѣ небольшого кружка, въ которомъ мы работаемъ, ничего не знаетъ. Мы сами другъ друга не знаемъ.

Являются у насъ вѣрныя мысли, смѣлые замыслы; копимъ опытъ. И все это умираетъ съ нами и въ насъ. А рядомъ ктонибудь мучительно думаетъ надъ тѣмъ же, ищетъ.

Тамъ, въ заманчивой дали, мерещатся пѣвческія артели. Онѣ уничтожаютъ пѣвческое ремесленничество, поднимаютъ хоровое искусство. При артеляхъ — музыкально-пѣвческая и регентская школа, курсы...

Концерты объединенныхъ артелей.

Нѣтъ, нельзя не привѣтствовать пожеланій съѣзда!

Но вотъ онѣ сдѣланы, слово сказано — и — увы — умерло въ „трудахъ“ съѣздовъ, на столбцахъ репортерскихъ отчетовъ.

Неслышно ничего о попыткахъ устроить такіе кружки и общества, или, хотя бы намѣтить пути и приемы организациі ихъ. Кое-гдѣ, говорятъ, они есть. „Статистика показываетъ“, говоритъ авторъ, на котораго я уже ссылался, что „за послѣднее время на мѣстахъ возникло не мало обществъ — взаимопомощи, благотворительныхъ и т. д.“ Только, прибавляетъ онъ, общества эти „скоро — устаютъ и мало-по-малу — замираютъ“.

И немудрено: кто о нихъ слышалъ? кто изъ широкихъ круговъ, заинтересованныхъ въ томъ, знаетъ о ихъ дѣятельности, о ихъ внутренней жизни?

Взаимопомощь, благотворительность! Странно звучація слова! Чѣмъ могутъ помочь другъ другу изъ своихъ скудныхъ крохъ регента, пѣвчіе, учителя пѣнія? Вѣдь, нуженъ основной фондъ, изъ котораго потомъ составился бы капиталъ для взаимопомощи и благотворенія. А для этого фонда нужна публичная дѣятельность общества или кружка, нужно, чтобы о немъ знали, нужно, чтобы онъ завоевалъ симпатіи къ себѣ.

Нужно говорить, писать, настойчиво пропагандировать идею, дѣлать попытки, не замалчивать. Разъ ничего этого не дѣлалось — понятенъ и конецъ: по вопросу объ обществахъ ни словомъ не обмолвились ни III, ни IV съѣзды, не включилъ его въ свою программу (да и не могъ включить!) V съѣздъ, „и дѣло мало-помалу заглохло.“

И еще примѣръ.

„II съѣздъ постановилъ выработать проэктъ всероссійскаго хорового общества съ кассой взаимопомощи при немъ и учредить такое общество во время слѣдующаго (III) съѣзда“.

II-му съѣзду, „не имѣвшему въ своей средѣ отличныхъ знатоковъ права“, простительно было не учесть всей сложности и трудности такой работы и назначить такой короткій срокъ. Но не учла его и комиссія, которой поручено было привести въ исполненіе это постановленіе съѣзда. Ею, правда, былъ написанъ диковинный проэктъ какого-то страннаго всероссійско-Московскаго общества. Проэктъ увидѣлъ свѣтъ, примѣрно, въ сентябрѣ—октябрѣ 1910 г. А ужъ къ 10 ноября того-же года комиссія предложила „заинтересованнымъ“ лицамъ, т. е. тѣмъ хоровымъ дѣятелямъ, которые—предполагается—вступятъ въ члены новаго общества“ прислать ей замѣчанія на этотъ проэктъ. „Замѣчанія эти будутъ-же приняты комиссіей уже для окончательной редакціи уставовъ, имѣющихъ затѣмъ поступить на утвержденіе правительства“.

Меньше чѣмъ черезъ мѣсяць „заинтересованное“ лицо должно было прислать свои замѣчанія на проэктъ и затѣмъ вполнѣ комиссіи довѣриться—приметь она его замѣчаніе для окончательной редакціи уставовъ или пренебрежетъ ими. А этому „заинтересованному лицу“ хотѣлось бы знать, какъ думаютъ насчетъ уставовъ другія „заинтересованныя“ лица. Тѣмъ болѣе, что особенно компетентнымъ въ столь сложныхъ вопросахъ оно себя не считаетъ.

Келейно составленные и проредактированные уставы были, говорятъ, предложены III съѣзду и послѣднимъ безъ особыхъ—повидимому—дебатовъ и обсужденій приняты. Въ какомъ видѣ—неизвѣстно.

Не удивительно, что уставы „жизни не увидѣли“.

Оказывается, „знающіе люди считаютъ ихъ безнадежными въ смыслѣ легализаціи и потому не совѣтуютъ подавать ихъ на утвержденіе“. *)

Организаторы V съѣзда проявили похвальную настойчивость, и вопросъ о злосчастныхъ уставахъ снова внесли въ программу съѣзда. Но на этотъ разъ уже совсѣмъ непохвально оставили безъ всякой помощи членовъ съѣзда, предоставивъ имъ безгранично—широкую свободу во взглядахъ на рѣшеніе этого вопроса.

*) Все изъ той же статьи.

Они сочли „излишнимъ и едва ли полезнымъ“ давать какіе либо „опредѣленныя указанія“ относительно его.

Указанія-то и въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, излишни, а вотъ освѣтить этотъ вопросъ въ печати, побудить „заинтересованныхъ лицъ“ высказаться, кто какъ можетъ, намѣтить конкретные пути для разрѣшенія его, дать ему опредѣленную форму, съ обсуждения которой и началось бы дѣло—вотъ это бы не мѣшало.

Я имѣю смѣлость думать, что и этихъ примѣровъ достаточно, и они довольно убѣдительны.

Съѣзды — дѣло серьезное, и дѣлать его несерьезно—по меньшей мѣрѣ неудобно. Неудачи роняютъ авторитетъ ихъ. Отсутствие солидной подготовки и планомѣрной разработки обрекаетъ съѣзды на топтанье на мѣстѣ, на ту „роскошь многоговоренья“ которую справедливо осуждали организаторы V съѣзда и избѣжать которой съѣзду такъ, кажется, и не удалось. По крайней мѣрѣ не слышно, чтобы были вынесены „резолуціи...“, разработанныя и мотивированныя такъ, чтобы онѣ подходили подъ форму, законодательныхъ предположеній“. *) Да и мудроно за четыре дня составить около десятка законопроектвъ. Пожеланіе, „чтобы на съѣздъ прибыло возможно большее число лицъ, подготовленныхъ предварительнымъ знакомствомъ съ матеріаломъ“, **) очевидно, и должно было остаться бесплоднымъ пожеланіемъ, ибо матеріаловъ-то нѣтъ никакихъ, кромѣ принципиальныхъ постановленій первыхъ съѣздовъ. Тѣ, пожалуй, и не могли сдѣлать чего-либо большаго: регентско-учительская жизнь еще только открывала свое лицо, указывала свои больныя мѣста. Вслѣдъ за этими постановленіями должна была закипѣть на мѣстахъ практическая работа, которая въ спеціальной печати должна была бы найти полное отображеніе и посильную разработку. Задачей послѣдующихъ съѣздовъ было бы разсмотрѣніе результатовъ этой работы и санкція ихъ.

Но, если не ликвидированы еще уже выдвинутые жизнью вопросы, разъ не намѣчено даже плана ликвидаціи ихъ—зачѣмъ созывать новые съѣзды?

Безъ конца говорить объ одномъ и томъ-же?

И безъ того сидимъ, какъ кулики, каждый на своемъ болотѣ и меланхолично пересвистываемся: „плохо намъ, батюшки, плохо...“

Н. К.

*) Хоровое и Регентское Дѣло, Январь 1914 г.

**) Тамъ-же.

Преобразование Московскаго Синодальнаго училища.

Святѣйшимъ Синодомъ одобренъ выработанный Учебнымъ Комитетомъ проектъ новаго устава Московскаго Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія. По этому проекту Синодальное Училище получаетъ характеръ высшаго спеціальнаго духовнаго музыкально-учебнаго заведенія. Оно будетъ состоять изъ высшихъ курсовъ церковнаго пѣнія и изъ церковно-пѣвческихъ курсовъ. Высшіе курсы церковнаго пѣнія имѣютъ задачей теоретическо-практическую подготовку преподавателей пѣнія и музыки для духовно-учебныхъ заведеній, хоровыхъ регентовъ и церковныхъ композиторовъ. Церковно-пѣвческіе же классы даютъ музыкальное и общее образованіе малолѣтнимъ пѣвчимъ Синодальнаго хора и готовятъ ихъ къ поступленію на высшіе курсы церковнаго пѣнія. Состоя подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода, Училище новымъ уставомъ ставится въ ближайшее вѣдѣніе митрополита Московскаго, тогда какъ въ настоящее время Московскій митрополитъ былъ лишь попечителемъ Училища, ближайшее же вѣдѣніе его предоставлено прокурору Синодальной Конторы, который является управляющимъ этимъ Училищемъ. При установленіи начальственныхъ отношеній митрополита Московскаго къ Училищу церковнаго пѣнія, прокуроръ Московской Святѣйшаго Синода Конторы не можетъ уже быть признанъ управляющимъ симъ Училищемъ. Но какъ завѣдующій синодальными недвижимыми имуществами въ Москвѣ, на доходы отъ которыхъ содержится Училище церковнаго пѣнія, прокуроръ Конторы все-же долженъ сохранить близкія отношенія къ Училищу. Поэтому, по проекту новаго устава, прокуроръ призванъ къ наблюденію за Училищемъ и попеченію о благоустройствѣ его и назначенъ предсѣдателемъ художественнаго Совѣта училища.

Въ училищѣ полагаются: педагогическій совѣтъ, художественный совѣтъ и хозяйственный комитетъ. Въ вѣдѣніи перваго будутъ находиться учебно-воспитательныя дѣла, художественный же совѣтъ будетъ имѣть своей задачей обсужденіе методовъ преподаванія музыкальныхъ предметовъ, изысканіе способовъ къ постоянному возвышенію и наиболѣе цѣлесообразной постановкѣ церковно-пѣвческой и музыкальной части въ Училищѣ и къ пруспѣянію Синодальнаго хора, принятіе надлежащихъ мѣръ къ охраненію, распространенію и научной разработкѣ древне-русскаго церковнаго пѣнія, его памятниковъ, теоріи и исторіи, заботу о хра-

неніи и расширеніи собранія древне-русскихъ и иныхъ церковно-пѣвческихъ рукописей для обогащенія ими бібліотеки Училища, которая состоитъ въ ближайшемъ завѣдываніи одного изъ членовъ совѣта, разсмотрѣніе, по порученію высшаго духовнаго начальства, церковно-музыкальныхъ и другихъ сочиненій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ церковному пѣнію, разсмотрѣніе церковно-музыкальныхъ сочиненій и переложеній на предметъ разрѣшенія ихъ къ употребленію при богослуженіи и т. д. Такимъ образомъ, художественный совѣтъ долженъ будетъ замѣнить нынѣшній наблюдательный комитетъ при Синодальномъ Училищѣ церковнаго пѣнія. Хозяйственный комитетъ будетъ завѣдывать хозяйственными дѣлами Училища.

По новому уставу въ Синодальномъ Училищѣ полагаются 9 классовъ (кромѣ приготовительнаго) съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ, изъ нихъ пять I—V (кромѣ приготовительнаго) — церковно-пѣвческіе классы и остальные четыре (VI—IX) — высшіе курсы церковнаго пѣнія. Въ первый классъ Училища принимаются мальчики отъ 8 до 10 лѣтъ, обладающіе хорошимъ голосомъ и слухомъ, признанные, по освидѣтельствованіи ихъ училищнымъ врачомъ, здоровыми, умѣющіе читать и писать по—русски и по—славянски, знающіе общеупотребительныя молитвы, а по арифметикѣ умственный счетъ до сотни. Въ послѣдніе классы принимаются имѣющіе соотвѣтственные классу возрастъ, подготовку и музыкальные способности. На высшіе курсы церковнаго пѣнія въ VI классъ Училища, кромѣ воспитанниковъ Училища, принимаются, по испытаніи въ знаніи музыкальныхъ предметовъ въ объемѣ программы первыхъ пяти классовъ Синодальнаго Училища, окончившіе не менѣе четырехъ классовъ духовной семинаріи или полный курсъ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Предметы, преподаваемые въ Училищѣ, раздѣляются на общеобразовательные и музыкальные. Окончившіе высшіе курсы церковнаго пѣнія, имѣющіе по музыкальнымъ предметамъ въ общемъ выводѣ 4 и не менѣе 4 балловъ по каждому изъ главныхъ предметовъ, къ которымъ относятся: церковное пѣніе, регентованіе и теорія музыки, получаютъ при отличномъ поведеніи дипломъ I степени и званіе художника церковнаго пѣнія; дипломъ 2 степени получаютъ воспитанники, окончившіе курсы при удовлетворительныхъ (не менѣе балла 3 по каждому предмету) успѣхахъ и при отличномъ поведеніи. Съ успѣхомъ прошедшіе курсъ пяти пѣвческихъ классовъ Синодальнаго Училища воспитанники получаютъ дипломъ 3 степени.

Училище церковнаго пѣнія существуетъ съ 1886 г. при Синодальномъ хорѣ. Училищѣ и хоръ являются настолько тѣсно связанными между собою, что для нихъ составленъ и общій уставъ. Признавая хоръ Синодальныхъ пѣвчихъ полезнымъ вспомогательнымъ учрежденіемъ при Училищѣ церковнаго пѣнія, Учебный комитетъ полагаетъ, однако, что при преобразованіи сего Училища въ высшее церковно-пѣвческое учебное заведеніе удобнѣе составить для Училища особый уставъ, о Синодальномъ же хорѣ выработать отдѣльное положеніе.

Соотвѣтственно выработанному новому уставу Московскаго Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія, Учебнымъ Комитетомъ составлены проекты штата этого Училища, а также положенія о правахъ и преимуществахъ Училища, таблицы уроковъ и положенія о хорѣ Синодальныхъ пѣвчихъ.

Святѣйшій Синодъ, одобливъ предположенія Учебнаго Комитета о преобразованіи Синодальнаго Училища, предоставилъ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода проекты штата и положенія о правахъ и преимуществахъ Училища, служащихъ и учащихся въ этомъ Училищѣ внести, по предварительномъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніи, въ Совѣтъ Министровъ для дальнѣйшаго направленія въ общемъ законодательномъ порядкѣ, съ приложеніемъ, для свѣдѣнія, и проекта устава Училища, и, въ случаѣ одобренія законодательными учрежденіями и Высочайшаго утвержденія проектовъ штата Училища церковнаго пѣнія и положенія о правахъ и преимуществахъ Училища и служащихъ и учащихся въ немъ, испросить Высочайшее соизволеніе на введеніе въ дѣйствіе проекта новаго устава Московскаго Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія и приложенной къ сему уставу таблицы уроковъ и занятій въ Училищѣ. Въ случаѣ воспослѣдованія Высочайшаго соизволенія на введеніе въ дѣйствіе новаго устава Московскаго Синодальнаго Училища церковнаго пѣнія Святѣйшій Синодъ будетъ имѣть сужденіе объ утвержденіи особаго положенія о Синодальномъ хорѣ пѣвчихъ *).

Шагъ назадъ.

Для каждаго провинціального любителя церковнаго пѣнія, живущаго гдѣ либо въ глуши, желаніе его обновить, или вообще составить хорошей и здоровый репертуаръ для хора, стоитъ неимоверной траты уймы денегъ, за неимѣніемъ вполнѣ точныхъ и

*) Церк. Вѣдом.

полныхъ справочниковъ—указателей по сему предмету. Лучшимъ указателемъ, конечно, нужно признать справочникъ А. Никольскаго. Но онъ страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что, распредѣляя пьесы по степенямъ трудности, г. Никольскій совершенно не указываетъ степени пригодности произведеній для церкви. Не удовлетворяетъ сему вполне справочникъ и прот. Лисицына, да и новѣйшій справочникъ М. Матвѣева. Г. Матвѣевъ, вѣроятно въ явную угоду издателямъ, рекомендуетъ даже устарѣлыя допотопныя произведенія, наводнявшія раньше лишь въ рукописяхъ регентскія бібліотеки, теперь же вышедшія почему то въ свѣтъ печатными.

Слѣдовало бы, чтобы кто либо изъ лицъ компетентныхъ и безпристрастныхъ взялъ на себя трудъ составленія полнѣйшаго всесторонняго справочника съ точнымъ указаніемъ какъ степени трудности, такъ и внутренняго содержанія пьесъ.

Въ данномъ случаѣ составитель справочника не долженъ стѣсняться высказать свое правдивое безпристрастное слово, хотя бы это слово было не по духу какъ автору пьесы, такъ и коммерсанту—издателю ея. Вѣдь общественная польза важнѣе интересовъ частныхъ лицъ. Если бы прот. Лисицынъ дополнилъ свой справочникъ свѣдѣніями о новѣйшихъ произведеніяхъ, то имъ бы, пожалуй, можно было бы еще пользоваться, за неимѣніемъ полнѣйшаго.

Въ послѣднее время выпущена въ свѣтъ такая масса столь разнокалиберныхъ духовно-музыкальныхъ сочиненій, что безъ указателя приобрѣтеніе нотъ для церковнаго хора есть большой рискъ.

Желательно имѣть точное распредѣленіе пьесъ, пригодныхъ для исполненія въ храмѣ, для концертной эстрады и для архивныхъ грызуновъ. Многіе издатели, гоняясь за барышемъ, выпустили такія произведенія, которымъ не слѣдовало бы и появляться на свѣтъ Божій. Вѣдь печатному слову провинція, да и освѣдомленная даже публика, очень довѣряетъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что пѣніе должно имѣть воспитательное и облагораживающее назначеніе, а не калѣчащее и развращающее. Многія же современныя духовно-музыкальныя изданія скорѣе способны извращать, если не совершенно развращать, вкусъ публики.

Впрочемъ, если я ошибаюсь, то прошу разубѣдить меня въ томъ, что издатели: Селиверстовъ, „Нотно-Книжное Дѣло“, Адамсонъ, Кирѣевъ, журналъ „Музыка и Пѣніе“ и другіе, своими изданіями приносятъ не вредъ, а пользу.

Притомъ же, часто издатели назначаютъ за свою рутину неизмѣнно высокія цѣны.

Теперь придуманъ довольно легальный способъ изданія всякой ерунды въ видѣ яко-бы „Исторической Хрестоматіи Церковнаго Пѣнія“.

Въ сущности же это удобная ширма для различной распродажи композиторскихъ потугъ и хорошей отъ сего прибыли.

Ловко все это рассчитано на спросъ всякаго хлама, невѣжественной публики и бездарныхъ самоучекъ регентовъ.

Получается чрезъ это теперь въ Россіи не прогрессъ въ церковномъ пѣніи, а регрессъ. Вотъ для урегулированія сего вопроса непременно и нуженъ намъ всесторонній полнѣйшій справочникъ духовно-музыкальной литературы.

Минуя коммерческіе аппетиты издателей, не мало нужно удивляться нѣкоторымъ авторамъ, самолично издающимъ, свои произведенія и недосягаемо высоко цѣнящимъ свой трудъ.

Примѣрно, В. Г. Завадскій за свое „Отче нашъ“, занимающее всего лишь двѣ маленькія странички нотъ, нисколько не постѣснялся назначить цѣну въ 1 рубль. Подобныя цѣны у него назначены и на другія, къ счастью немногочисленныя, пьесы.

У г. Завадскаго или ужъ очень развито самомнѣніе о своемъ талантѣ, или же есть склонность къ низкой наживѣ, черта не долженствующая имѣть мѣста у дѣйствительныхъ артистовъ художниковъ.

Старый регентъ.

Извѣстія и замѣтки.

Лѣтніе Регентско-Учительскіе Курсы при Регентскомъ Училищѣ, учр. С. В. Смоленскимъ въ С.-Петербургѣ, привлекли громадное количество слушателей. Всѣхъ было около 200 чел. Занятія начались своевременно и шли вполне успѣшно; слушатели готовились уже къ испытаніямъ, такъ какъ предположенная программа Курсовъ была пройдена, какъ вдругъ неожиданно начавшаяся война заставила прервать занятія въ предпоследній назначенный для нихъ день. Только благодаря этому курсисты почти ничего не потеряли. Помѣщеніе Курсовъ было отведено подъ мобилизаціонный пунктъ для запасныхъ, и всѣ слушатели, изъ которыхъ также не мало было лицъ, подлежащихъ явкѣ, немедленно были распущены, а экзамены отмѣнены. Не могли состояться испытанія въ Придворной Капеллѣ для тѣхъ слушателей—

въ количествѣ 35 чел.—IV высшаго отдѣленія, которые уже отправили свои прошенія въ Капеллу. А вскорѣ были призваны на службу и многіе изъ лекторовъ и преподавателей Курсовъ.

Въ будущемъ 1915 году лѣтніе Регентско-Учительскіе Курсы состоятся, если только не будетъ препятствій, подобныхъ неожиданно наступившему теперь военному времени.

Намъ сообщаютъ, что на Одесскихъ Регентскихъ курсахъ занятія окончились 21 мая. Окончило курсы 7 человекъ.

Чѣмъ церковная школа сильнѣе земской. Два сельскихъ общества Овручскаго у. Волынской губ. составили приговоры объ устройствѣ церковной школы вмѣсто земской. Въ приговорахъ общества заявляютъ, что они желаютъ, чтобы ихъ дѣти любили церковь и умѣли пѣть.

26 іюня въ Петергофскомъ Соборѣ св. ап. Петра и Павла была отслужена заупокойная Литургія по усопшимъ композиторамъ и дѣятелямъ Придворной Капеллы. За Литургіей полный хоръ Капеллы исполнилъ слѣд. пѣснопѣнія: „Во царствіи Твоемъ“—Панченко, „Херувимскую пѣснь“—Музыкаску, „Вѣрую“—Чайковскаго „Тебе поемъ“—Дывыдова, „Отче нашъ“ и „Блажени яже избралъ“—А. Д. Шереметева. По окончаніи Литургіи пропѣта панихида въ изложеніи С. В. Смоленскаго („древнихъ распѣвовъ“) для мужского хора.

Въ журналѣ „Церковь“ напечатано интересное мнѣніе епископа тобольскаго Варнавы о церковномъ пѣніи у старообрядцевъ:

„Да, я съ удовольствіемъ бы посѣтилъ храмъ старообрядцевъ, но уже поздно. На слѣдующій разъ, когда пріѣду, непременно буду въ немъ... Когда я бываю въ Москвѣ, въ нашей Бѣлокаменной, гдѣ вся наша старина, и когда вздумаешь помолиться отъ всего сердца, то не нахожу храма, гдѣ бы могъ отъ души помолиться, не исключая и храма Христа Спасителя... Во всѣхъ храмахъ пѣніе исковеркано... Регентъ стоитъ спиной къ иконамъ, неистово машетъ руками и вертитъ головой, а пѣвчіе такъ поютъ, что ничего не поймешь... Не одинъ разъ ходилъ я на Рогожское кладбище и тамъ утѣшалъ свою душу, слушая правильное и хорошее внятное пѣніе...

Среди духовныхъ пѣвцовъ. Состоялось годовое общее собраніе членовъ общества духовныхъ пѣвцовъ г. Москвы. Заслу-

шанъ и утвержденъ отчетъ правленія за 1913 г., изъ котораго, по словамъ „Г. М.“,—видно, что въ обществѣ насчитывается около 200 членовъ, а наличный капиталъ равенъ 1.405 р. 29 к. Всего пособій возвратныхъ и безвозвратныхъ за отчетный годъ выдано 564 р. 49 к. Далѣе, доложено собранію, что осенью текущаго года открываются при обществѣ музыкальные курсы, руководителемъ которыхъ изъявилъ свое согласіе быть А. Л. Масловъ, который и составилъ программу курсовъ. Программа эта послана московскимъ градоначальникомъ на разсмотрѣніе и утвержденіе въ совѣтъ русскаго музыкальнаго общества въ Петербургѣ.

Правленіе чешскаго пѣвческаго общества „Лумиръ“ дало объясненіе, касающееся его отказа участвовать въ празднествѣ сожженія костра Яна Гуса. Правленіе говоритъ, что память великаго реформатора должна быть чествована болѣе достойнымъ образомъ, чѣмъ сожженіемъ костра, производящимъ исключительно только красивое зрѣлище. Въ виду этого чешское пѣвческое общество „Лумиръ“ и чешскій кружокъ будутъ чествовать память Яна Гуса лекціей и исполненіемъ хоромъ общества „Лумиръ“ гуситскаго хора.

По распоряженію протопресвитера морского и военнаго духовенства Г. І. Шавельскаго, о.о. благочиннымъ и настоятелямъ военныхъ и морскихъ соборовъ предписывается озаботиться, чтобы воинскіе чины при богослуженіяхъ въ полковыхъ храмахъ пѣли слѣдующія пѣснопѣнія: за всенощнымъ бдѣніемъ: „Богородице, Дѣво, радуйся“, „Благочестивѣйшаго“ и „Взбранной Воеводѣ“ и за литургіей: „Вѣрую“ „Отче нашъ“ и „Благочестивѣйшаго“, а по окончаніи обѣдни и всенощной „Спаси, Господи“; при этомъ обращается вниманіе означенныхъ лицъ на то, чтобы во время пѣнія „Благочестивѣйшаго“ обязательно упоминалось о христіанствѣ воинствѣ.

Въ Коневскомъ монастырѣ отъ рака въ печени скончался заслуженный іеромонахъ, духовный композиторъ, о. Викторинъ. Духовныя произведенія почившаго исполняются въ очень многихъ церквахъ. Отецъ Викторинъ былъ лично извѣстенъ Высокимъ Особамъ. Въ обитель, на покой, о. Викторинъ удалился изъ Петербурга около пяти лѣтъ тому назадъ. Монашеское послушаніе почившаго началось на Аѳонѣ.

Заявленія Гг. Регентовъ и Учителей пѣнія.

Опытный регентъ желаетъ получить приличное мѣсто въ церковномъ хорѣ.
Адресъ: Мордово, Тамб. г. Им. гр. Орлова-Давыдова, В. Саввинову.

Приглашается регентъ хора въ Богоявленскомъ Соборѣ г. Вельегонска Тверской губ. Жалованья 600 руб. въ годъ. Предложенія съ указаніемъ полученнаго образованія и прежней практики адресовать на имя церковнаго старосты Глинскаго.

Письмо въ Редакцію.

М. Ю. Лермонтовъ, минусинскій педагогъ и выигрышные билеты.

Бывшій преподаватель (чего именно и въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ— неизвѣстно) А. П. Гаховичъ, проживающій въ городѣ Минусинскѣ, разсылаетъ въ настоящее время по всѣмъ столичнымъ учебнымъ заведеніямъ слѣдующее оригинальное, чтобы не сказать болѣе, объявленіе:

„Почтительнѣйше предлагаемъ просвѣщенному вниманію гг. директоровъ, инспекторовъ учебныхъ заведеній, преподавателей пѣнія и регентовъ къ торжественному всероссійскому юбилейному чествованію великаго русскаго поэта М. Ю. Лермонтова новыя, одобренныя знатоками, специально составленныя къ юбилею. *чуть вышедшія изъ печати* (курсивъ объявленія „сибирскаго“ преподавателя), весьма красивыя, интересныя, легкоисполнимыя, заслуживающія полнаго вниманія, хоровыя пьесы (стараясь соблюдать „сибирскую“ орфографію) въ партитурахъ для смѣшанныхъ, мужскихъ, женскихъ или дѣтскихъ хоровъ на 4, 3 и 2 голоса съ сопровожденіемъ рояля или фисгармоніи (!) музыка А. П. Гаховича!!..

А вотъ и перечисленіе „пьесъ“:

„Торжественный юбилейный гимнъ М. Ю. Лермонтову“.

Россіи славной сынъ великій!

Собрались мы тебя почтить,

Принести восторженные клики,

Вѣнокъ лавровый возложить...

„Очень красивая, торжественная, оригинальная, весьма доступная музыка гимна, при *воодушевленномъ* текстѣ (!), безусловно, будетъ очень охотно исполняться всѣми хорами. Партитура... 1 рубль“.

„*Вѣтка Палестины*“ „Очень симпатичная, задушевная, разнообразная, доступная, оригинальная музыка, на чудный текстъ М. Ю. Лермонтова, увлекаетъ исполнителей, чаруетъ слушателей. Партитура... 1 рубль“...

Дальнѣйшее перечисленіе „Пьесъ“ нѣсколько суше, ибо, очевидно, что „краснорѣчіе“ минусинскаго педагога понижается прямо пропорціонально ихъ стоимости...

Приводимъ, однако, и ихъ наименованія:

Ангель. „По небу полуночи“. Мелодичная, красивая, доступная пьеса-Партитура... 50 коп....

Молитва, „Въ минуту жизни трудную“. Очень доступная, красивая вещь. Партитура... 40 коп...

Кромѣ „пѣссы“ минусинскій педагогъ предлагаетъ „юбилейную памятку“ (портретъ М. Ю. Лермонтова), украшенную лаврами, съ торжественнымъ гимномъ и на хорошей бумагѣ...

Это-ли не раздолье!!.. Тѣмъ болѣе, что „памятка“ и стоитъ-то дешевле пареной рѣпы: всего за сотню экземпляровъ 7 рублей!!..

Но „памятка и „пѣссы“ — цвѣточки въ сравненіи съ тѣмъ, что предлагаетъ минусинскій педагогъ въ своемъ объявленіи далѣе:

„Теперь *три* льготы: скидка 15⁰/₀. пересылка бесплатно и *участіе въ выигрышахъ по 5 госуд. выигр. бил. въ 1914—1915 годахъ... (!!)...*“

Просимъ все внимательно прочесть.

Необходимо поспѣшить заранѣе и лучше подготовиться къ торжественному юбилею М. Ю. „Лермонтова“...

Спѣшимъ, однако оговориться: участіе въ выигрышахъ по пяти Государственнымъ билетамъ распространяется только на лицъ, выписавшихъ всѣ ноты минусинскаго педагога и выславшихъ полную стоимость заказа...

„Нумера этихъ билетовъ будутъ объявлены по полученіи заказа и денегъ полностью!“ — „скромно“ заявляетъ минусинскій педагогъ въ заключеніе своего беззастѣнчиво рекламнаго обращенія къ „просвѣщенному вниманію“ гг. директоровъ, инспекторовъ и т. п.

Грустно, однако, что эта „лавочка“ нагло переплетается съ именемъ великаго поэта, котораго избралъ объектомъ своихъ гешефтмахерскихъ замысловъ не менѣе великій въ своемъ ничтожествѣ „бывшій преподаватель“ города Минусинска, отнынѣ, приобрѣтающаго „неувядаемую“ славу не только въ предѣлахъ своей „собственной“ губерніи, но и по всей Россіи, при беззастѣнчиво-торгашескомъ содѣйствіи своего „рекламнаго“ обывателя, не постыдившагося „наводнить“ своими безграмотными зазывами“ всѣ гимназіи, прогимназіи и училища нашего обширнаго отечества...

Н. Г—нъ.

Отъ Редакціи.

Слѣдующій № журнала можетъ опоздать выходомъ въ свѣтъ и быть соединеннымъ съ октябрьскихъ №, о чемъ и предупреждаются Гг. подписчики.

Андреевъ, П. V Всероссийскій Съѣздъ Хоровыхъ Дѣятелей. — **Смоленскій, С.** Вступительная лекція. — **Н. К. Бѣгъ** на мѣстѣ. — Преобразование Московскаго Синодальнаго Училища. — **Старый регентъ.** Шагъ назадъ. — Извѣстія и замѣтки. — Заявленія Гг. регентовъ и регентскія мѣста. — Письмо въ Редакцію. — Отъ Редакціи. — Приложеніе: **Несмѣловъ, В.** Въ память вѣчную.

Редакторъ-Издатель **П. А. Петровъ.**

Типографія „ДЪЛО“ 2 Рождественская 27.

1914 г.

6-й годъ изданія

„ХОРОВОЕ и
РЕГЕНТСКОЕ ДѢЛО“.

2 р. 50 к. въ годъ съ пересылкой.

Комплекты журнала за 1909, 1910, 1911 и 1912 г. продаются по 2 руб. за годъ съ пересылкой. За 1913 г. журналъ разошелся весь по подпискѣ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„Хоровое и Регентское Дѣло“

НИКОЛЬСКИЙ, А.

Op. 31.

ЛИТУРГІЯ

СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

для смѣшаннаго хора,

Только въ партитурахъ, цѣна 1 руб. 50 коп.

Для выписывающихъ изъ Редакціи журнала—пересылка бесплатно. Для подписчиковъ журнала—цѣна 1 руб. 30 коп. Съ пересылкою наложеннымъ платежомъ—для всѣхъ дороже на 25 коп.

Бортнянскій, Д. Пасхальный концертъ—„Богоотецъ убо Давидъ“, на шесть голосовъ. Партитура ц. 40 к.

Корреспонденцію и требованія на всѣ изданія просятъ адресовать П. А. Петрову.

С.-Петербургъ, Екатерининскій кан. 52, кв. 58.

РЕГЕНТСКОЕ УЧИЛИЩЕ

учр. С. В. СМОЛЕНСКИМЪ.

С.-Петербургъ.

Занятія происходятъ по вечерамъ отъ 4 ч.

Изданія Регентскаго Училища:

1. **Преображенскій, А.** Очеркъ исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи. Изд. 2-е.

Одобрень для библиотекъ духовно-учебныхъ заведеній.

Допущень въ учительскія библиотеки церковныхъ школь.

Принять въ качествѣ учебнаго руководства въ Регентскихъ Классахъ Придворной Пѣвческой Капеллы и Регентскомъ училищѣ учр. С. В. Смоленскимъ въ С.-Петербургѣ.

- 2 **Пѣвческая Христоматія.** Вып. 1. Гармонизація напѣвовъ на „Господи воззвахъ“.—Ц. 60 коп.

Допущена въ качествѣ учебнаго пособія для духовныхъ семинарій и женскихъ духовныхъ училищъ.

Допущена, какъ учебное пособіе, въ библиотеки церковно-учительскихъ школь и пѣвческихъ курсовъ.

3. **Ковинъ, Н.** Пѣніе въ школь. Опытъ руководства по методикѣ преподаванія.—Ц. 60 коп.

4. **Ковинъ, Н.** Обычный распѣвъ. Вып. 1. Напѣвы на „Господи воззвахъ“—Ц. 60 коп.

№ № 2, 3 и 4—указаны въ числѣ пособій программю Регентскаго Класса при Придворной Пѣвческой Капеллѣ.

5. **Два шестиголосныхъ хора В. Титова, Государева** пѣвчаго дьяка конца XVII вѣка. I. Благослови душе моя Господа. (Преднач. псал.). II. Большое Многолѣтіе. (Партитура). Цѣна 20 коп. Налож. плат. 41 коп.

- 8) 29-ть русскихъ народныхъ пѣсень. (Одноголосно). Литогр. изд. 1910 г. цѣна 25 коп. съ пер.

7. 1-й сборникъ сольфеджій. Лит. изд. Цѣна 10 коп.

Принять въ качествѣ учебника по сольфеджію въ Регентскомъ Училищѣ и на Лѣтнихъ Регентско-Учительскихъ Курсахъ.

Программы училища высылаются за 4 семикоп. марки.

Корреспонденцію просятъ адресовать:

СПБ., Екатерининскій кан. 52, кв. 58. П. А. Петрову.